
НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Рашэннем Навуковага савета Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта напярэдадні новага года прызначаны дзве прэміі імя былых рэктараў У. І. Пічэты і А. Н. Сеўчанкі за дасягненні ў сферы гуманітарных і прыродазнаўчых навук.

Першым лаўрэатам прэміі імя У. І. Пічэты стаў правадзейны член Міжнароднай Акадэміі навук вышэйшай школы, загадчык кафедры новай і навейшай гісторыі ўніверсітэта прафесар Уладзімір Сяргеевіч Кошалеў. Кола навуковых інтарэсаў лаўрэата — новая і навейшая гісторыя Арабскага Усходу і Егіпта ў прыватнасці. Прапануем чытачам даклад вучонага, з якім ён выступіў на навуковай канферэнцыі гістарычнага факультэта, прысвечанай 72-й гадавіне БДУ.

В. С. КОШЕЛЕВ

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СТРАНАХ ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (на примере Египта)

Во второй половине XIX в. движение за политическое и культурное обновление в странах Азии и Африки вылилось в идейное течение просветительства и реформаторства. В рамках этих двух прогрессивных явлений складывались современные формы политической борьбы и антиколониального сопротивления, возникали политические партии и организации. В Египте это произошло в 70 — начале 80-х годов в условиях подъема национально-освободительного движения, развернувшегося под лозунгом «Египет для египтян».

Традиционное египетское общество к этому времени претерпело значительные изменения. Реформы Мухаммеда Али и Мухаммеда Саида, бурная преобразовательная деятельность хедива Исмаила, наивно стремившегося поставить Египет на один уровень с европейскими державами, положили начало сложному процессу модернизации страны.

Многочисленные нововведения, затронувшие различные сферы экономической, политической и духовной жизни общества, не могли не коснуться традиционного уклада жизни городского населения, вызывали изменения в сознании людей и, в конечном итоге, создавали материальные предпосылки для культурного возрождения, близкого по характеру и содержанию европейскому просветительству. В стране формировалась новая общественная сила — интеллигенция современного типа, которая в отличие от «старой», традиционной, воспринимала окружающий мир не столько через призму морально-этических и социальных предписаний ислама, сколько с позиций просветительства, подвергая критике самодержавный режим хедивата и его учреждения. Включавшая выходцев из служилой бюрократии и купечества, мелких торговцев и даже крестьянства, представленная сирийскими писателями и публицистами, которые нашли политическое убежище в Египте, она, безусловно, являлась рупором идей буржуазного национализма. Это из ее среды вышли организаторы и члены первых в Египте политических обществ и организаций.

Колониальная экспансия и превращение Египта в полуколонию европейских держав вызвали к жизни ранние формы политической борьбы еще до того, как внутри страны созрели необходимые для этого предпосылки. Во всяком случае «политизация» египетского общества совпала с установлением англо-французского контроля над страной во второй половине 70-х годов.

Важным фактором ускорения процесса «политизации», другими словами, — становления современных форм политики и идеологии, оказалась бурно развивавшаяся египетская арабоязычная пресса, на страницах которой в духе французских просветителей толковались такие понятия, как «свобода», «равенство», «справедливость», «конституция». В стране постепенно формировалось оппозиционное движение. Наряду с «новой» интеллигенцией разночинного происхождения в него втягивались и отдельные представители традиционной интеллигенции, в основном из религиозных кругов. Характерной чертой оппозиционного

движения было стремление к сплочению, что нашло выражение в создании политических обществ и организаций современного типа, большинство из которых включилось в антиколониальное движение.

Своеобразной переходной ступенью к ранним формам современной политической борьбы в Египте, как и в других странах Азии и Африки, стала деятельность обществ и кружков, возникавших в лоне просветительского движения. На протяжении 60—70-х годов в стране появились различные литературные и научные общества (кружки) — своеобразные клубы-объединения молодой египетской интеллигенции. Передовые участники просветительского движения, выступавшие против феодальной тирании и общественного застоя, нередко придавали деятельности научных и литературных обществ политическую окраску.

Есть все основания рассматривать отдельные культурно-просветительские общества Египта в качестве прообраза политических организаций, возникших в самом конце 70 — начале 80-х годов XIX в. Особенно показательны в этой связи тайные общества, которые были созданы выдающимся египетским просветителем, журналистом и основоположником национальной политической сатиры Якубом Сануа: «Прогресс» (1872) и «Общество любителей науки» (1875).

Бедность источниковедческой базы не позволяет получить полное представление об истинных размерах влияния, которое оказывали на формирование египетских политических организаций тайные общества, возникшие в конце 50-х годов в среде европейской политической эмиграции. Специального внимания заслуживают итальянские общества, в особенности те, которые, подобно обществу «Мысль и действие», вдохновлялись революционными идеями Мадзини и Гарибальди.

Более определенно можно говорить об участии в общественно-политической жизни страны масонских организаций. Через масонские ложи прошли отдельные представители правящей феодальной верхушки, а также некоторые деятели либерально-конституционного движения, просветители, армейские офицеры. Многие из них стали масонами из политических соображений. При этом одни (как, например, находившийся в изгнании Халим-паша) стремились использовать масонские ложи в борьбе за власть, другие — приспособить организационные формы и опыт конспиративной деятельности масонов к нуждам оппозиционного движения. Следует учитывать и то, что некоторые положения этого религиозно-этического движения (как, например, «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи») обладали в условиях Египта определенной притягательной силой. Очевидно, прав немецкий историк Л. Ратман, говоря, что египетское движение масонов являлось сборным пунктом оппозиционных сил. Однако попытки этих сил использовать масонство в революционных целях закончились полным провалом. Об этом убедительно свидетельствует печальный опыт выдающегося мусульманского реформатора Джамаль эд-Дина аль-Афгани.

С именем последнего связано возникновение первых политических обществ и организационных форм антиколониального сопротивления не только в Египте, но и в других странах Ближнего и Среднего Востока. В Египте он предпринял наиболее серьезную попытку создания тайной политической организации, своего рода координирующего центра борьбы против деспотического режима хедива Исмаила и засилья европейских держав. С этой целью он обратился к весьма распространенному в эпоху Исмаила масонству. Стремление использовать его для конспиративных нужд политической и национально-освободительной борьбы не отличалось исторической новизной. Хорошо известны аналогичные попытки революционных сил Греции, Италии, Польши, России и даже некоторых стран Востока, например Ирана.

В мае 1879 г. аль-Афгани заявил о том, что выступает от имени «национальной» или «патриотической партии». В это же время каирская пресса упомянула в связи с его деятельностью о «Свободной национальной партии». Есть все основания идентифицировать ее с масонской группой аль-Афгани, которая по своей структуре (наличие секций) действительно напоминала «партийную организацию». В лице этой «партии» гражданская оппозиция, очевидно, обрела некое подобие политического центра. Хотя деятельность аль-Афгани вскоре была прервана арестом и высылкой из Египта, но многие его ученики стали активными участниками революционных событий 1879—1882 гг. Некоторые из них участвовали в деятельности основанного еще в начале 1879 г. в Александрии тайного политического общества «Молодой Египет». Александрийское общество объединило оппозиционную режиму хедива группу молодых «интеллектуалов» левантийского

происхождения, представлявших интересы купеческой верхушки города. В сентябре 1879 г. общество «Молодой Египет» предложило хедиву проект буржуазных реформ, который, по существу, не отличался от программы либерально-конституционного движения во главе с известным государственным деятелем Шериф-пашой, оформившегося в виде тайной организации «Хелуанское общество».

С конца 1879 г. «Хелуанское общество» стало называться «Национальная партия». Пожалуй, впервые на Востоке в название политической организации вошло современное слово «партия». О существовании в то время в Египте политической партии в привычном для нас понятии, естественно, не может идти и речи. Различные объединения, кружки или просто группировки, возникавшие тогда, чаще всего назывались «обществами» (джамийа). Название «партия» (хизб) применялось, как правило, для обозначения больших и малых групп людей, обладающих известной общностью социально-политических интересов, национальных устремлений и чувств. Так, многие современники воспринимали «Национальную партию» как часть населения, которая выступила за независимость страны под лозунгом «Египет для египтян». Даже английская «Таймс», говоря в апреле 1879 г. о верхушке мусульманского духовенства, не нашла более подходящего выражения, чем «партия улемов» или «религиозная партия».

В качестве первого варианта «Национальной партии» следует рассматривать «Хелуанское общество», которое, помимо группы «турецких пашей» во главе с конституционалистом Шериф-пашой, объединяло также часть депутатов распущенной Палаты нотаблей. Хедиву Тауфику оказалось нетрудно заставить замолчать оппозицию. В мае—июне 1880 г. ее лидеры подверглись гонениям и «Хелуанское общество» фактически прекратило свое существование.

Однако название «Национальная партия» закрепилось в дальнейшем за еще одной оппозиционной группой, которая сформировалась в рамках либерально-конституционного движения к лету 1881 г. Она объединяла в первую очередь автохтонных, т. е. не турецко-черкесских представителей феодально-помещичьего класса, стремящихся к высшей власти. Новая оппозиция для достижения политических целей стала откровенно ориентироваться на сотрудничество с патриотически настроенными офицерами египетской армии, которые активно проявили себя еще в феврале 1879 г., а затем подтвердили свою репутацию значительной политической силы февральским выступлением 1881 г., когда по их требованию в отставку был уволен непопулярный военный министр. Именно в этом году политическое движение в египетской армии стало называться «военной партией». Она, несомненно, сыграла выдающуюся роль в национальном антианглийском восстании 1882 г. «Военная партия» сформировалась из членов тайного офицерского общества и частично сохраняла свой конспиративный характер даже тогда, когда борьба уже велась легально.

«Военная партия», естественно, не была организацией в привычном для нас понимании слова. Этот термин, по существу, обозначал патриотическое антииностранное движение внутри египетской армии, которое во многом еще было традиционным как по характеру деятельности, так и по составу вождей. В то же время в армейском патриотическом движении выявились черты, которые заметно отличали его от традиционных выступлений средневекового типа. Это прежде всего ярко выраженная тенденция к определенной организации и даже поиски путей и средств для политического самовыражения (объединение с Национальной партией летом 1881 г.). Достаточно сказать, что предводитель «военной партии» Ахмед Ораби имел непосредственное отношение к определению содержания «Программы национальной партии Египта», составленной англичанином В. Блантом и Мухаммедом Абдо в декабре 1881 г. и опубликованной «Таймс» в начале января 1882 г.

Оккупация Египта Англией на время приостановила процесс дальнейшего вызревания современных форм политической борьбы. Возникшие в период подъема национально-освободительного движения конца 70 — начала 80-х годов XIX в. политические общества и организации прекратили существование, так и не успев пройти через все стадии своего становления и развития.

Процесс формирования организационных структур национально-освободительного движения, сильно заторможенный английской оккупацией, возобновился в 90-х годах XIX в. Центры политической оппозиции возникали в русле двух идейно-политических направлений — западнического и исламофильского. Западническое направление питало секуляристскую тенденцию в национально-освободительном движении. Исламофильское придавало ему традиционно религиозный оттенок, ориентировало движение на сотрудничество с Портой.

На стыке этих двух направлений возникла Национальная партия Мустафы Камиля, ставшая на время главной революционной силой в национально-освободительном движении. Буржуазно-демократическая по существу, она выражала интересы многочисленных средних и мелкобуржуазных слоев египетского общества, ориентировалась на разночинную интеллигенцию как движущую силу исторического развития. Только после неудачных попыток использования в антиколониальной борьбе института хедивата, Порты, а также соперничавших с Англией европейских держав она обратилась к поиску контактов с народными массами. Однако преследуемая властями, раздираемая соперничеством конкурирующих группировок, Национальная партия даже в период наибольшей активности (1907—1909) не была в состоянии сплотиться в монолитную организацию.

Кроме того, происходившая в начале XX в. политическая консолидация египетской национальной буржуазии, тесно связанной с феодально-помещичьим классом, а также с иностранным капиталом, создавала необходимые предпосылки для превращения умеренной «Партии народа» (возникла в 1907 г.) в серьезного конкурента Национальной партии. После первой мировой войны «Партия народа» сравнительно легко преобразовалась в крупнейшую буржуазно-помещичью партию Вафд, которая перехватила у Национальной партии историческую инициативу, выдвинув лозунг достижения национальной независимости, т. е. лозунг Национальной партии, только с той разницей, что этот модернизированный лозунг был лишен какой бы то ни было панисламистской проосманской ориентации. Таким образом, в общественно-политической жизни Египта верх одержало западническое секуляристское направление, воспринявшее в качестве образца институты западной буржуазной демократии.

Особенность египетского национально-освободительного движения в эпоху «пробуждения Азии» проявилась в формировании антиколониального подполья, которое с самого начала создавалось как чрезвычайно сложная и противоречивая структура, включавшая различные организации — от мусульманско-националистических, предвосхищавших деятельность «Братьев-мусульман», до национально-демократических, которые действовали за рубежом. Многочисленные документы подтверждают вывод о том, что антибританское подполье, являясь самостоятельным многоструктурным образованием, в то же время было тесно связано с легально действовавшими политическими организациями. У истоков антибританского подполья стояла Национальная партия. Она участвовала в его деятельности накануне и в годы первой мировой войны, была связана с подпольными организациями в период подъема национально-освободительного движения в первые послевоенные годы.

В условиях подъема национально-освободительного движения 1919—1924 гг. деятельность антиколониального подполья достигла наибольшего размаха и многообразия в формах и методах борьбы. Национально-патриотические общества сыграли заметную роль в борьбе против иностранного империалистического господства. В это же время (на примере убийства английского генерала Ли Стэка в 1924 г.) ярко проявилась несостоятельность тактики индивидуальных методов борьбы, дававшая властям удобный предлог для нанесения ударов по легальным национальным организациям.

При анализе особенностей формирования партийной системы и развития революционного процесса в Египте, как и в других странах Востока, необходимо учитывать то обстоятельство, что движения социального и политического протеста, антиколониальные и антиимпериалистические настроения различных слоев египетского общества на протяжении всего рассматриваемого периода неоднократно принимали религиозную окраску и находили свое выражение в активизации мусульманских группировок, ассоциаций и братств. Мусульманские модернисты оказали влияние на политическую борьбу, сыграли заметную роль в объединении и мобилизации масс как в период антиколониального восстания Ораби-паши, так и во время египетской революции 1919 г. Как ни парадоксально на первый взгляд, но с усилением процесса секуляризации общественно-политической жизни страны количество мусульманских организаций не уменьшалось, а увеличивалось. Накануне первой мировой войны их насчитывалось не менее десятка (общество «Союз аль-Азхара», общество «Мусульманская связь», полудержавная организация «Общество братской солидарности» и др.). Особенно бурно религиозное движение развивалось в конце 20—30-х годов, когда мусульманские националистические организации превратились в серьезную политическую силу.